

Е Тао действовал жестоко, и даже леопард, хитрее лисы, действительно почувствовал боль. Его хвост, обычно развевающийся с довольной легкостью, теперь безвольно волочился за ним, словно увядший, и выглядел довольно жалко.

Баобао сидел рядом и наблюдал за ним; в его круглых кошачьих глазах плескалось злорадство: «Вот тебе за то, что обижаешь людей, за то, что ведешь себя как хулиган, за то, что считаешь моего дядю Е овечкой. Сам виноват!»

Квартира Е Тао была небольшой, отдельной столовой не было, и обеденный стол стоял в углу гостиной. Баобао занял стул, но из-за короткой мордочки ему было неудобно вылавливать пельмени из супа, поэтому Е Тао поставил перед ним две маленькие миски: одну с супом, другую с пельменями. Е Тао разрезал пельмени пополам и клал их в миску Баобао, словно кормил маленького ребенка.

Чжоу Цзыцянь, привыкший к такому способу приема пищи, не обращал на это внимания, лишь однажды сказал, когда Баобао чуть не коснулся палочек Е Тао:

— Не давай ему облизывать палочки.

Баобао, которого отвергли, чувствовал себя одновременно раздраженным и довольным. Если бы он мог говорить, он бы сказал своему чистоплотному дяде:

«Ой, извините, палочки я не облизал, зато ложечкой из супа пил. Может, найдете мои усы в супе?»

Ужин прошел в дружеской атмосфере. Капризный желудок Чжоу Цзыцяня успокоился после тарелки горячего супа с пельменями, и он, словно Баобао, убрал свои когти и стал очень спокойным.

Е Тао мыл посуду на кухне, а Чжоу Цзыцянь, не имея дел, начал рассматривать вина, хранившиеся у Е Тао. Он изучил столько информации о Е Тао, что знал его предпочтения и антипатии, и был уверен, что нынешний Е Тао, не употребляющий алкоголь, когда-то мог пить много. Однако Е Тао редко злоупотреблял спиртным и не вступал в соревнования по выпивке без необходимости. Для него алкоголь был для наслаждения и дегустации, будь то с друзьями или в одиночку, и это было гораздо приятнее, чем пить до красноты лица.

В шкафу стояла бутылка Петрюса, которая показалась Чжоу Цзыцяню интересной. Дата ее производства совпадала с днем рождения Е Тао. Чжоу Цзыцянь смотрел на бутылку, и его мысли снова начали блуждать. Петрюс и так был дороже обычного красного вина, а с учетом года выпуска и коллекционной ценности, консервативная оценка составляла около 100 000. Учитывая характер и доходы Е Тао, вряд ли он купил это вино сам.

Чжоу Цзыцянь взял бутылку и подошел к кухне, улыбаясь:

— Кто подарил это «вино для дочери»?

Е Тао бросил взгляд на вино и безразлично ответил:

— Если нравится, забирай.

Услышав такую легкость, Чжоу Цзыцянь понял, кто подарил вино. Он с долей шутки вздохнул:

— Ушел человек, остыл чай. Даже любимое вино больше не ценится, так просто отдаешь.

— Не отдаю, а продаю. Три года назад купил за 70 000, не знаю, подорожало ли. Продам тебе по той же цене.

Как и сказал Чжоу Цзыцянь, это вино когда-то было дорого Е Тао, можно сказать, это была не просто вещь, а знак любви. Тогда Е Тао не мог его пить, а теперь, когда мог, уже не хотел. Оставлять его было бессмысленно, это лишь напоминало о прошлом, которое уже прошло.

— Я снова нафантазировал, — с сожалением покачал головой Чжоу Цзыцянь. Он посмотрел на бутылку и улыбнулся, постучав пальцем по стеклу. Раздался легкий звон, и он произнес:

— Договорились, ты мой.

Он держал вино, но смотрел на Е Тао, уголки его глаз естественно поднимались, словно с улыбкой, но в глазах не было тепла или двусмысленности. Это было скорее как у изящного, но жестокого леопарда, наблюдающего за беззащитной антилопой, уверенно, жадно, с неизбежностью.

Е Тао словно почувствовал взгляд и посмотрел в ту сторону. Он увидел, как Чжоу Цзыцянь, держа вино, уходит, продолжая смотреть на бутылку. Тридцатилетний мужчина, но словно подросток, получивший желанную вещь. Как редко он проявлял такую детскость. Е Тао подумал об этом, и в его глазах появилась улыбка, легкая, но искренняя.

«Чистота и обаяние» Чжоу Цзыцяня продлились меньше минуты. Улыбка Е Тао еще не успела исчезнуть, как в гостиной раздался легкий стук. Е Тао мгновенно потерял выражение лица, лишь зубы невольно сжались, словно хотелось их потерять.

— Где декантер? — спросил Чжоу Цзыцянь из гостиной.

Е Тао сдержанно вдохнул, его голос стал холоднее обычного:

— Тебе пора уходить.

Баобао мысленно поднимал большой палец своему дяде:

«Ты просто мастер! Мой дядя Е обычно не любит вступать в перепалки, а ты легко доводишь его до желания ругаться. Ты просто великолепен!»

Чжоу Цзыцянь немного повозился с посудой, затем вошел на кухню, сдержанно улыбаясь и глядя на Е Тао.

— Можешь хитрить и манипулировать, но делай это в соответствии со своим возрастом, не будь как ребенок с глупыми уловками. У меня нет столько терпения, чтобы играть с тобой.

Е Тао не злился, он просто устал от Чжоу Цзыцяня. Тот постоянно хотел, чтобы он признал, что любит его, снова и снова давил и проверял, не упуская ни одной возможности. У него уже было много терпения, если бы это был Ло Дун с его характером, он бы давно замахнулся на него.

Чжоу Цзыцянь не возразил ни слова, спокойно выслушал его, поднял его подбородок и поцеловал, перелив вино из своего рта в его. Аромат еще не раскрывшегося вина был неполным, кисловатая жидкость перетекла из одного рта в другой. Е Тао вынужденно проглотил, но его не отпустили.

Чжоу Цзыцянь одной рукой обнял его за талию, другой поддерживал за голову, углубляя поцелуй. Языки сплетались, словно борясь за остатки вина, поглощая слюну друг друга. Их дыхание смешалось, невозможно было понять, чье дыхание горячее, но кожа на скулах Е Тао постепенно покраснела, затем краснота распространилась на красивые глаза, хрупкие уголки глаз пропитались цветом, и даже раковины ушей стали алыми.

Баобао, как маленький тигр, стремительно ворвался на кухню, чтобы спасти своего дядю Е, но, увидев сплетенных вместе людей, не смог сделать шаг. Он растерянно смотрел несколько секунд, затем с тяжелым сердцем отошел.

Это был не нежный поцелуй, а скорее нападение и захват, завоевание территории, полное подчинение, уничтожение даже мысли о сопротивлении, чтобы ты искренне и полностью покорился. Когда этот долгий и страстный поцелуй закончился, Е Тао почти потерял сознание, в ушах звенело, и он слышал только стук своего сердца и звук быстро текущей крови. Глаза были затуманены, взгляд не мог сфокусироваться.

Чжоу Цзыцянь обнял Е Тао, чье дыхание было неровным, а тело слегка дрожало, нежно слизал блестящую слюну с его губ и низким, хриплым голосом произнес:

— Будь послушным, не упрямься.

Е Тао поднял на него взгляд, наконец сфокусировавшись. Он поднял еще дрожащую руку и шлепнул по красивому лицу, затем дрожащим, не до конца успокоившимся голосом произнес:

— Пошел вон!

Даже у глиняного человека есть свой характер, а Е Тао не был глиняным. Постоянное давление довело его до предела, и на этот раз он действительно разозлился. С его характером, если он не обращает внимания, то не обращает, а если обращает, то серьезно. Этот удар должен был быть сильным. Но, глядя в глаза, полные нежности и сожаления, он все же не смог ударить сильно, да и сил у него сейчас не было.

Чжоу Цзыцянь, получив легкий шлепок, не только не разозлился, но и улыбнулся. Он наклонился, поднял Е Тао на руки, чуть не поцеловав снова. Это раздраженное личико было так красиво, белая кожа покраснела от гнева, словно цвет в нефрите, глаза горели ярко и живо. Как будто изящная, но безжизненная кукла вдруг ожила, широко раскрыв глаза и капризная, упрекая, что ты недостаточно хорош к ней. Чжоу Цзыцянь был в восторге, но все же не решился поцеловать. Е Тао был не куклой, как бы изящно он ни выглядел, в душе он был мужчиной, и главное, он был раздражен.

Сегодня не буду критиковать, просто подбодрю дядюшку и сделаю его чуть более настойчивым. Скоро мясо в котле дядюшки Е будет готово.

<http://bllate.org/book/17687/1650267>